

Дети Грозного

В ГРОЗНОМ две тысячи детей-сирот. Тех, кто родился в первую чеченскую войну, и тех, кто не в меру повзрослел во вторую, беспримерную по степени бесчеловечности...

ЧАС НАЗАД в Грозном стало на двух сирот больше. Когда последний урок подходил к концу, у лицея прогремел взрыв. Лицейсты сорвались с мест, высунулись в окна и увидели внизу растерзанные гранатой тела - женское и детское. Мама с двухлетней дочкой на руках шла встречать из школы сыновей, застывших сейчас в окне рядом с одноклассниками. И теперь мы сидим у директора лицея Джалавди Мачигова в кабинете, выходящем окнами на то самое место, и стараемся об этом не думать. Говорим о жизни. О том, что учебников нет. Что на блокпостах детей в школу не пропускают - опасно, говорят. Что саперов не дозавешся здание проверить, никто не знает, есть в нем мины или нет. Что газовые горелки детей в классах не согреют. Что пленки на окна не хватает, а стекол нет, и не нужны они - все равно от взрывов полопаются...

В этот лицей я ездила в предыдущую командировку, как на работу, каждый день. Здесь из пятисот лицейстов осталось только три русских ученика, двое из них из неблагополучнейшей семьи. Ребят надо спасать от их матери, а она их от себя не отпускает, потому что они - добычки. Представьте себе, ходит по центральному рынку в Грозном русский пацан и по-чеченски просит милостыню... По тому самому рынку, где недавно снайпер убил выстрелами в затылок двух спецназовцев, покупавших тапочки. И вот сейчас мы сидим с учителями, директором лицея, с людьми из личной охраны Беслана Гантемирова (спасибо им, вместе мы одиноких бабушек и обездоленных детей объезжали, помогали, как могли) и судим-рядим, как этим мальчишкам помочь. А самих сверлит одна мысль: сколько еще таких, как они...

Васька с площади Минутка

ДЕТИ, которых надо спасать от взрослых. Это большая и очень сложная категория детей-сирот, иногда и при живых родителях. Бесчеловечное отношение к ним прикрывается щитом, что война, дескать, все спишет: подстрекательство к попрошайничеству и воровству, принуждение к малолетней проституции, сопутствующие им наркоманию и пьянство. В той же самой веселой семейке, в которой растут два пацана (один из них - Васька, на снимке), есть одиннадцатимесячная девочка. Недавно ее жестоко избил - до крови - ее папа-боевик, вернувшийся в Грозный. Он бил ребенка так, что на детский плач прибежали с ближайшего блокпоста питерские омоновцы, отбившие ребенка у зверя. У всех этих детей нет свидетельств о рождении, ничего нет, их и самих вроде бы как нет. Судебных органов, которые могли бы лишить родительских прав, тоже нет. К счастью, начальник временного отдела милиции Ленинского района Грозного полковник Валерий Адам настроен решительно: "Нужно создать прецедент. Надо будет - дойдем до Верховного суда. И на войне человечность никто не отменял".

Дети, которые повзрослели до поры. Пожалуй, это еще более многочисленная категория, нежели первая. Это те дети, которых уже поздно спасать от взрослых. Они уже свое дело сделали. Растлили, изуродовали души. Недавно к спасателям переправили четырех девчонок - старшей двадцать три, младшей тринадцать. С первой войны эта компания стайкой жила на Минутке. Чем промышляли, чтобы прокормиться, - догадываетесь? Что будет теперь с ними? У одной отец сидит в тюрьме за убийство матери. У двух других сводных сестер родители "потерялись". А четвертая вроде бы и совсем взрослая. В миграционной службе в Моздоке от девчонок отмахнулись: дескать, не до вас, у нас реорганизация идет. Чиновникам, занятым с весны своей судьбой (ежемесячно раз, а то и два раза езжу через Моздок в Грозный, еще ни разу не удавалось застать этих деятелей на рабочем месте), вовсе недосуг думать о ком-нибудь, кроме себя.

"Заберите моего сына!"

ТРЕТЬЯ категория - дети, контуженные войной в буквальном смысле этого слова. Их приводили по весне с передовой - голодных, оглохших, онемевших. Их и сейчас в Грозном в избытке. Одного такого мы вывозили на этот раз. Шестилетний чеченец, у которого папу убили еще в первую войну, а в эту войну он отсиживался в подвале вместе с мамой. Ели голубей. Мальчик заикается и неотвратимо

слепнет. Сколько радости было, когда командир экипажа вертолетчиков Валерий Бондаренко взял пацана в кабину и разрешил "порулить"! А поднялась "вертушка" в воздух, и как будто ливень застучал по металлу, только почему-то не сверху, а снизу - значит, опять обстреливают..

Мы помогли матери с мальчуганом добраться до Ростова, до больницы. Что с ним будет дальше? Я гнала от себя эту мысль, но ко мне подошла его мать и завела этот разговор сама: "Когда его подлечат, помогите устроить ребенка в интернат. Я очень люблю моего мальчика, но ничего не могу ему дать, мне из больницы придется вернуться с ним в тот же подвал. Заберите моего сына!" Неграмотная эта чеченка поняла ту трагедию, которую не хочет замечать наше правительство. Сегодня мы отнимаем войной и бесчеловечностью у детей детство - завтра мы лишаем Отечество (не Чечню, а Россию!) будущего.

За то время, что "АиФ" ведет "горячую линию", вокруг нас объединились сотни неравнодушных людей. Звонят и предлагают помощь из Америки, Германии, Швеции и т. д. Звонят и пишут, как любил говорить наш предыдущий президент, "дорогие россияне". Делятся последним. Шлют деньги, посылки в Притеречную больницу, хотят усыновить детей, забрать к себе стариков. Молчат только чиновники - те, кому по должности положено думать о будущем России.

...А в Грозненском лицее, где сквозь брешь в потолке видно осеннее небо, идет урок. Учительница (чеченка!) пишет по-русски на доске: "Родина"...

Контактный телефон: (095) 923-83-46.

Р. S. В прошлую командировку мы вывезли из Грозного последнюю слепую бабушку из нашего грозненского списка, в котором было 220 фамилий. Мы и дальше будем помогать старикам - тем, кто не уехал из Грозного, считая его своей родиной, и тем, кто нашел приют в Притеречной больнице и в Иноземцевском доме престарелых. Но теперь "АиФ" начинает оказывать адресную денежную помощь Грозненскому лицее и работать по новому списку - "2000 сирот".